

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.111-32(Картер А.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-02-15.
ББК Ш33(4Вел)6-8,44. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОНСТРУКТОВ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК В РАССКАЗАХ АНЖЕЛЫ КАРТЕР

Атлас А. З.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3429-3238>

А н н о т а ц и я . Статья посвящена рассмотрению культурных стереотипов, отраженных в классических сказках, и выявлению способов их представления во вторичных текстах. Осознание давления «социальных мифов» в значимых для социума текстах привело к тому, что в конце XX века они стали объектом пристального внимания женщин-писателей. В сборнике рассказов «Кровавая комната» Анжелы Картер переписывает сюжеты сказок Шарля Перро, называя это «работой по демифологизации». В статье выявляются «социальные мифы» в отношении женщин в двух авторских версиях исходной истории о Красавице и Чудовище. Анализ художественной системы вторичных текстов показывает, что критический взгляд на культурные конструкты определяет выбор способа репрезентации истории – текст о тексте и изложение через восприятие женского персонажа. Это позволяет ввести в реинтерпретацию метакомментарий, объектом которого становятся имеющиеся в обществе экономические практики касательно молодых женщин; они, наряду со страхами, присущими героиням, тематизируются посредством выдвижения сквозных мотивов и правовой лексики. Поступки главной героини приобретают психологическую мотивировку, которой ее плоский прототип лишен, а использование индивидуальной (женской) точки зрения, отсутствующей в тексте-источнике, позволяет автору артикулировать критическую позицию к социальным конструктам женщины, внушаемым сказками, причем от лица главной героини и с современных для читателя позиций. Возможность переосмысления главной героиней своей внутренней сущности и появления для нее новых жизненных сценариев по сравнению с тем, что жестко предписано классической сказкой, задана автором посредством ввода в повествование фонового персонажа и множественным пересказом исходной истории, который расшатывает ее непреложный ход.

К л ю ч е в ы е с л о в а : реинтерпретация; вторичный текст; волшебные сказки; рассказы; английская литература; английские писательницы; литературные жанры; метакомментарий; культурные конструкты; феминистская критика; женские персонажи.

DEMYTHOLOGISING SOCIAL FICTIONS IN ANGELA CARTER'S REINTERPRETATIONS OF FAIRY TALES

Anna Z. Atlas

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3429-3238>

Abstract. The paper focuses on culture stereotypes embodied in fairy tales and the ways of their representation in twice-told tales. The awareness of pressure of stereotypes in culturally central texts led to their persistent re-vision by the 20th century women writers. In "The Bloody Chamber and Other Stories", Angela Carter appropriates some of Charles Perrault's classical plots calling it a "demythologizing business". The paper studies "social fictions" regarding women scrutinized in Carter's reinterpretations of Beauty and the Beast plot. As their overall structure analysis testifies, critical approach to conventional culture's concepts of gender predetermines the mode of narration – "stories about fairy stories" and female character perspective. These allow for the use of metacommentary that centres on economic issues concerning young women. Alongside with their fears, these issues are thematised by foregrounding recurrent motifs and law words. As the research shows, the major female character's motivations that their flat prototypes lack are exposed; the 1st person narration also absent in the pretext permits the author to articulate criticism of "social fictions" underlying classical fairy tales through the female character's mouthpiece in feminist terms. The introduction of a foil triggers the female character's self-discovery and the multiple reinterpretations of the same plot shattering its ruthless changelessness provide new life scenarios for her.

Key words: reinterpretation; twice-told tale; fairy tale; short stories; English literature; English women-writers; literary genres; metacommentary; social fictions, feminist criticism, female characters.

Для цитирования: Атлас, А. З. Демифологизация культурных конструкторов волшебных сказок в рассказах Анжелы Картер / А. З. Атлас. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 182–190. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-15.

For citation: Atlas, A. Z. (2021). Demythologising Social Fictions in Angela Carter's Reinterpretations of Fairy Tales. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 182–190. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-15.

О феномене удивительной живучести истории, рассказываемой в сказке, размышляют многие ученые. В литературе и искусстве, проходя через множественные пересказы, она не растрчивает себя – повторение для нее существенно. Эта мысль подчеркивается многими учеными: «истории совершенствуются с пересказом, они пересказываются бесконечно, и их рассказывают с тем, чтобы они рассказывались и дальше» [Kroeber 1992: 1]. Нарратив – это тип дискурса, наиболее поддающийся адаптации; она делает возможным одновременное сохранение и пересмотр его ключевых элементов. «При этом история, основанная на архаичном фольклоре, не превращается в окаменелый реликт... Ядро из мотивов, образов, героев и конфликтов остается неизменным. Однако в изменении формы, тональности и деталей история демонстрирует способность к выживанию» [Атлас 2015а: 25].

Чтение-пересмотр сказки как традиционного нарратива можно рассматривать в мифопоэтическом ракурсе как способ художественного освоения литературного прошлого, литературных мотивов и образов. Особый интерес представляет собой сознательная апелляция к конкретному тексту, которая приводит к обнажению или реконструкции

забытых первоначальных мотивов. Эти общечеловеческие схемы часто скрыты от глаз современного читателя в силу множества разных причин.

Феминистская критика и литература внесли решающий вклад в расшатывание устоявшегося мнения, что такие традиционные нарративы, как сказка и миф, закрыты для пересмотра. Осознание давления культурных, в том числе гендерных, стереотипов в том виде, в котором они были отражены, в частности, в классических мифах и фольклорной сказке, а в последующем с развитием книгопечатания зафиксированы и закреплены в литературных адаптациях сказки, привело к тому, что миф и сказка стали объектом пристального внимания женщин-писателей. Многие произведения конца XX века, подвергающиеся переписыванию и пересмотру значимую для социума историю, были написаны признанными писательницами, которые одновременно занимались преподавательской и исследовательской деятельностью, осуществляли трансляцию и интерпретацию культурных ценностей. В англоязычном академическом сообществе это такие представители интеллектуальной элиты, как Маргарет Атвуд (Канада), Джойс Кэрролл Оутс (США), а также Анжела Картер (Великобритания), чьи реин-

терпретации волшебных сказок являются материалом данного исследования.

В эссе, озаглавленном «Заметки с линии фронта», Картер определяет свою функцию как писателя следующим образом: «ускорить изменения в представлениях людей о себе», в том числе и посредством пересмотра «социальных мифов (social fictions), управляющих нашей жизнью» [Carter 1983: 70]. Под социальными мифами она имеет в виду культурные конструкты, которые сложились и прижились в социуме как вневременные, незыблемые истины. «Мы имеем склонность принимать на веру, – говорит она позже, в интервью, – идеи, образы и истории, не задумываясь над тем, что они значат» [Katsavos 1994: 12].

В упомянутом выше эссе Картер рассуждает о том, как медленно к ней пришло осознание, что сама она как женщина была создана средствами, находящимися вне ее контроля. Она делает широко известное заявление о том, что отныне занята «работой по демифологизации», и в этой связи свой интерес к мифам и сказкам она объясняет тем, что рассматривает их в качестве факторов, влияющих на процесс ‘создания’ женщины; она называет их «выдающимися выдумками, предназначенными для того, чтобы сделать людей несвободными» [ibid.: 71]. Представляется неслучайным, что К. Бакилега определяет обращение английской писательницы к сказкам, известным всем с детства, как «„метафольклорный“, археологический проект», цель которого – обнажить их идейную подоплеку (ideological workings of fairy tales) [Vacchilega 1997: 184].

В 1977 году Картер переводит на английский язык сказки Шарля Перро «Histoires ou Contes du temps passé». Вслед за этим она публикует сборник рассказов «The Bloody Chamber and Other Stories» (1979), который представляет собой авторское видение сюжетов таких сказок, как «Красавица и Чудовище», «Красная Шапочка», «Синяя Борода», причем отдельные сюжеты перелагаются ею дважды и даже трижды. Как замечает Салман Рушди, Картер «вскрывает для нас старую историю, как яйцо, чтобы обнаружить внутри новую историю, теперешнюю (the now-story), ту, что мы хотим услышать» [Rushdie 1995: xiv]. Примечательно, что и сама Картер называет свои

рассказы «stories about fairy stories» [Carter 1983: 71], из чего явствует, что определяющей в них является ее позиция в качестве читателя и, следовательно, интерпретатора исходных историй. Этот момент, в свою очередь, является ключевым при выборе ею способа представления перелагаемой истории: это «рассказ о рассказе», а он предполагает наличие, прежде всего, метакомментария во вторичном тексте.

Размышляя о сущностных свойствах реинтерпретации, П. С. Волкова справедливо замечает, что, представляя собой «непрерывный процесс осмысления традиции через ее одновременное восстановление и отражающее преломление, ...[реинтерпретация] изначально предполагает необходимость деятельного сотрудничества со стороны субъекта восприятия, который из стороннего наблюдателя превращается в одного из участников диалога» [Волкова 2009: 178–179]. В итоге «читатель интерпретирует и прототекст, и его интерпретацию автором нового произведения» [Лушникова 2018: 135].

Очевидно, что работа над переводом классических сказок Перро подводит Картер к пониманию необходимости реинтерпретации сюжетов, известных читателю с детства. Мнения исследователей схожи относительно замысла писательницы. Так, Сильвия Брайант замечает: «Рассказать другую, отличную от прежней историю, представить и сконструировать *другое* как положительное отличие, а не отрицательное, предложить реальные возможности для идентификации в рамках этого отличия, идеологически подорвать *status quo* с тем, чтобы нарушить благодушное согласие с прежней историей со стороны читателей» [Bryant 1989: 452]. Ей вторит Э. Ли: Картер культивирует «точку зрения „чужого“ с тем, чтобы остранить (to defamiliarize) ту область, где правит привычка. ...Она побуждает читателя взглянуть на обыденные вещи с необычной стороны» [Lee 1997: 3]. Л. Сейдж, авторитетный исследователь творчества Картер, считает, что писательница «создала свои собственные, порой... насмешливо-пародийные, порой более деликатные вариации на тему классических сказочных сюжетов. Она пересказала эти сюжеты, намеренно вырвав их... из замкнутого пространства „историй

для детей" или „народного творчества" и помещив в область, лишённую неизменности – в мир перемен. ...Чудовища и принцессы покидают свои привычные места в старом сценарии и пересекают запретные границы» [Sage 1994: 18].

За всю историю своего бытования сказки, как известно, не раз меняли как саму форму бытования (переходили из устной формы в письменную и обратно и т. д.), так и аудиторию (с взрослой на детскую и обратно и т. д.). Так, сказки, зафиксированные в XVII–XVIII вв. Шарлем Перро и Жанной-Мари Лепренс де Бомон, изначально предназначались, вопреки представлениям современного читателя, не для детской аудитории. Эта «детская классика» представляла собой искусно сработанные аллегории, за сюжетом которых были скрыты заботы двора относительно социальной политики и нравов высшего общества Франции XVII века» [Orenstein 2002: 28]. Каждая из сказок заканчивается *moralité*, нравоучительным выводом, который в стихотворной форме суммирует рассказываемую историю в некий урок, сформулированный сквозь призму официальной, патриархальной морали. Вместе взятые, эти сказки представляют собой свод обязанностей, которые регулируют отношения придворных в Версале, дам и господ, а также суммарный образ центрального института, который их объединяет – института брака [ibid.: 33]. И этот образ далеко не романтичен, а часто и устрашающе непривлекателен.

Аристократический брак во Франции XVII века – это брак по расчету, *mariage de raison*, устраиваемый родителями для социально-экономического продвижения клана; часто он представляет собой не что иное, как взаимовыгодный и неприкрытый обмен имуществом разного порядка. Институт брака был защищен серией указов, которые давали родителям, а точнее отцам, законное право решать судьбы детей и выбирать им супругов. В соответствии с одним из них отец получал право держать взаперти или заключать в женский монастырь своих дочерей вплоть до замужества или достижения ими 25 лет, а «брак без родительского согласия рассматривался как соблазн или насильственное похищение женщины» [ibid.: 36]. Девственность явля-

лась необходимым условием *mariage de raison*, и придворным времен Людовика XIV, короля-солнце, вменялось беречь репутацию в великосветском обществе. По иронии судьбы это общество было известно похотью и развратом [Фукс 1994: 307–309].

В рассказах Картер «The Courtship of Mr Lyon» и «The Tiger's Bride», представляющих собой две авторские версии сказки «Красавица и Чудовище», тема экономической зависимости дочери от отца и, как следствие, прямой зависимости ее судьбы от экономической несостоятельности родителя выдвигается на первый план и становится лейтмотивом: «*Ruined once; then ruined again, as he [Beauty's father] had learnt from his lawyers that very morning; at the conclusion of the lengthy, slow attempt to restore his fortunes, he had turned out his pockets to find cash...*» [Carter 1995: 41–42]; «*[W]hen the Beast told her [Beauty] how he would aid her father's appeal against the judgment, she smiled... But when... the Beast... suggested... that she should stay here, with him, in comfort, while her father returned to London to take up the legal cudgels again, she... knew... that... her visit to the Beast must be, on some magically reciprocal scale, the price of her father's good fortune. ...she felt herself to be... sacrificial*» [ibid.: 45]; «*[H]er father was as good as rich again. ...the Beast was the source of his new prosperity*» [ibid.: 48]. Как видно из приведенных примеров, Картер достигает выдвижения важного мотива посредством тематизации экономической и правовой лексики.

В рассказе «The Tiger's Bride» этот мотив уточняется: при потере проигранного в карты имущества красота дочери превращается в товар, который отцу позволительно закладывать и обменивать, чтобы вернуть себе свободу. Мотив проигрыша дочери в карты появляется в сильной позиции, в самом начале рассказа: «*My father has lost me to The Beast at cards*» [Carter 1995: 51] и становится сквозным на протяжении всего рассказа: «*I watched... [how] my father... rids himself of the last scraps of my inheritance. When we left Russia, we owned black earth, blue forest with bear and wild boar, serfs, cornfields, farmyards, my beloved horses. ...What a burden all those possessions must have been to him, because he laughs as if with glee as he beggars himself; he is in such a passion to donate all to The Beast*» [ibid.: 52]; «*Gambling is a sickness. My father said he loved me yet he staked his daughter on a hand of cards*» [ibid.: 54]; «*now my own skin was*

my sole capital in the world and today I'd make my first investment» [ibid.: 56]; «*I certainly meditated on the nature of my own state, how I had been bought and sold, passed from hand to hand»* [ibid.: 63]; «*My father abandoned me to the wild beasts by his human carelessness»* [ibid.: 63].

При введении этого ключевого мотива в рассказы «The Tiger's Bride» и «The Courtship of Mr Lyon» автор использует метатексты, которые «проясняют „семантический узор“ основного текста» [Вежбицка 1978: 421]. Их объектом является не только сам исходный текст, но, что интересно в большей степени, и автоматизм читательского восприятия этого текста. Так, Картер изображает главную героиню, Красавицу, как неписывающуюся в ранг тех, кого можно беспрепятственно отдать в залог – в ранг привычно покорных и бездействующих героинь сказок. При описании того, чем Красавица должна будет заплатить Чудовищу за долг своего отца, рассказчик, как будто бы знакомый с одним из тезисов феминистской критики относительно ролей, навязываемых современным читателям с помощью безропотных героинь классических сказок, торопится упредить привычную реакцию читателя, обращаясь к нему: «*Do not think she had no will of her own; only, she was possessed by a sense of obligation to an unusual degree and, besides, she would gladly have gone to the ends of the earth for her father, whom she loved dearly»* [Carter 1995: 45–46].

В рассказе «The Courtship of Mr Lyon» Картер организует повествование таким образом, что в нем наряду с изложением истории, референтом которой является конкретная волшебная сказка, присутствуют и критические комментарии к другим подобным ей. Например, автор дает знать читателю, какую скуку наводят на Красавицу сказки французских придворных: «*[she found] a collection of courtly and elegant French fairy tales about white cats who were transformed princesses and fairies who were birds. ...[she] found herself yawning; she discovered she was bored»* [Carter 1995: 46]. В другом рассказе Картер, в основе которого лежит все тот же сказочный сюжет о Красавице и Чудовище, имеется отсылка к архаическому мотиву каннибализма. Няня Красавицы пугает свою воспитанницу тем, что станет с ней в случае непослушания – человек-тигр, Чудовище, проглотит ее, не жуя: «*the tiger-man... would put on*

his big black travelling cloak... and hire the Erl-King's galloper of wind and ride through the night to the nursery and –,

Yes, my beauty! GOBBLE YOU UP!

...Old wives' tales, nursery fears! ...superstitious marvels of my childhood» [Carter 1995: 56].

Няня рисует ей ситуацию, схожую с той, что происходит в басне Эзопа о няньке, пригрозившей ребенку, что отдаст его волку и тот его съест [Басни 1968: 109–110]; за этим следует комментарий Красавицы: «*Old wives' tales, nursery fears! ...superstitious marvels of my childhood»*. Этот, по сути, метакомментарий, включенный во вторичный текст, служит целям прояснения авторского видения главной героини текста-источника. Красавица из рассказа Картер испытывает страх не перед перспективой быть съеденной чудовищем, а перед перспективой пасть жертвой натурального обмена в сделке своего отца с Чудовищем, предпринятой с целью восстановления потерянного им имущества: «*when she saw him [the Beast] ...she felt herself to be... Miss Lamb, spotless, sacrificial. ...the price of her father's good fortune»* [Carter 1995: 45].

Характерно, что в другом рассказе из сборника «The Bloody Chamber and Other Stories», «The Company of Wolves», где вновь актуализируется мотив каннибализма, автор также использует метакомментарий, вложенный в уста героини вторичного текста:

«What big arms you have.

All the better to hug you with...

What big teeth you have!

All the better to eat you with.

The girl burst out laughing; she knew she was nobody's meat» [Carter 1995: 118].

Описание главной героиней волка, совпадающее с его привычным описанием из сказки о Красной Шапочке, почти достигнув высшей точки, вдруг прерывается, нарушая ожидания читателя. Вместо послушного исполнения роли пассивной жертвы главная героиня, в картеровской реинтерпретации безымянная в целях обобщения и знакомая с позицией феминистской критики относительно гендерного распределения ролей в сказке, высмеивает роль, предначертанную ей исходной сказкой – «*[some]body's meat»*.

Вместе с тем в рассказе «The Tiger's Bride» Красавица предстает потенциальной жертвой, но не Чудовища, а «социального кон-

структа женщины, который диктует ей повиноваться» [Walker 1995: 76]: «*I was a young girl, a virgin, and therefore men denied me rationality just as they denied it to all those who were not exactly like themselves. ...all the best religions in the world state categorically that not beasts nor women were equipped with the flimsy, insubstantial things when the good Lord opened the gates of Eden and let Eve and her familiars tumble out. I meditated on the nature of my own state, how I had been bought and sold, passed from hand to hand. That clockwork girl... Had I not been allotted only the same kind of imitative life amongst men that the doll-maker had given her?*» [Carter 1995: 63]. Автор рассказа выстраивает его так, что именно сама героиня «артикулирует свое осознание патриархатного понимания того, что есть женщина. Героиня, действующая *внутри* сказки, с пониманием рассуждает о том, что существует *вне* сказки» [Walker 1995: 75].

Примечательно, что, сократив набор героев исходной сказки до минимума, Картер вводит в рассказ новый персонаж – «*a soubrette... with glossy, nut-brown curls, rosy cheeks, blue, rolling eyes*» [Carter 1995: 59], заводную куклу, которую Чудовище посылает прислуживать Красавице. Та сначала воспринимает субретку как свой двойник, «*this clockwork twin of mine*» [ibid.: 60]: служанка с точностью воспроизводит механическое послушание Красавицы, демонстрирующей свою покорность с готовностью, как того от нее и ожидают. Но это зеркальное отражение ее собственных движений двойником заставляет Красавицу задуматься о себе, становится импульсом к познанию своей сущности, о чем свидетельствуют ее размышления о патриархатном конструкте женщины. В результате фигура заводной куклы приобретает бунтарские обертоны: Красавица отправляет ее вместо себя к своему отцу в качестве дочери – как жест непослушания, нежелания вписываться в сценарий, заданный отцом и всем непреложным ходом сказки.

В эссе «*In Olden Times, When Wishing Was Having: Classic and Contemporary Fairy Tales*», Дж. К. Оутс, автор многочисленных романов, сборников рассказов и эссе, пишет, что у Анны Секстон в цикле стихов «*Transformations*», перелагающих на современный лад сказки братьев Гримм, «женщины загнаны в силки повествуемой истории, как веревочные куклы, в то время как картеровские ге-

роини зачастую воспринимаются как упорствующие, действующие по-своему, добивающиеся самоопределения вразрез с их, казалось бы, предначертанными судьбами» [Oates 1998: 264]. Для Секстон сказки в том виде, как они записаны и отредактированы братьями Гримм – это застывший конструкт, и ее цель в «*Transformations*», как представляется, в том, чтобы показать их заданность путем следования сюжетам сказок в неизменности и таким образом акцентировать невозможность для женщины вырваться из их жестких схем, отражающих неизменные сценарии жизни. Отсюда следует изображение героинь «*Transformations*» в виде кукол-марионеток.

В отличие от Секстон, взгляд Картер на классические сказки оказывается менее пессимистичным, поскольку в своих рассказах она «демонстрирует ощущение потенциальной возможности для развития и превращения женщины в сильную и устойчивую личность» [Rose 1983: 222]. Картер достигает этого, как представляется, более свободным обращением с прецедентным текстом. Отклоняясь от исходного сюжета и предлагая две альтернативные версии (о множественном авторском пересказе одного и того же сказочного сюжета с включением мотивов из более чем одной литературно-художественной адаптации, предпринятой предшественником, см.: [Атлас 2015б]), она расшатывает сам сюжет и читательские стереотипы его восприятия. Автор также может следовать сюжету, но более тонко работать с ним, изнутри, предоставляя возможность героиням, взамен дистанцированного рассказчика традиционных версий, самим излагать события, участниками которых они являются. Перечень действующих лиц может пополняться за счет второстепенных героев, высвечивающих характерную черту главной героини в исходной сказке.

Тем самым Анжела Картер добивается принципиально важных результатов в своих реинтерпретациях известного сказочного сюжета. Во вторичном тексте, апеллирующем к тексту-источнику: 1) посредством выдвижения отдельных мотивов тематизируются имеющиеся в обществе практики в отношении женщин и тревоги и страхи, присущие молодым героиням; их поступки приобретают психологическую мотивировку, которая отсут-

ствуует у их плоскостных сказочных прототипов; 2) ввод в повествование второстепенного персонажа, заводной куклы, имитирующей действия Красавицы, высвечивает характерную черту последней – покорность – и приводит ее к переосмыслению своей внутренней сущности; 3) использование индивидуальной (женской) точки зрения, отсутствующей в традиционных сказочных нарративах, делает возможным критический комментарий к «социальным мифам» в традиционных нарративах («рефлексивное отношение к патриархальным художественным практикам» [Усманова 1999: 229]), который формулируется самой героиней с феминистских позиций.

Картер, безусловно, модернизирует исходные тексты сказок, ведь материальная, социальная и духовная среды существования чело века подвержены существенным изменениям с течением времени. Модернизация истории, помещение ее во вполне легко очерчиваемый новый исторический период, осуществляется через приметы времени – атрибуты XX века (*the telephone wires [are] down, the car, cash for petrol, a garage, a twenty-four-hour rescue service, a photograph, a thrilling telephone* и т. д.). Использование анахронизмов – это самый очевидный способ переориентировать исходный текст на потребности современного читателя.

Вместе с тем, как следует из приведенного выше анализа, автор не впадает в столь упрощенное осовременивание архаичного материала. Предпринятые Картер реинтерпретации старинных волшебных сказок идеологически ориентированы на современного читателя, 1980-х годов и далее, и включают в себя «импульсы, идущие от конкретно-исторической действительности» [Липовецкий

1992: 165]. По мнению Карла Крёбера, «в игре вокруг каждой истории задействован определенный экономический и идеологический контекст, из которого черпает свою уникальную форму специфический характер каждого пересказа истории и каждого отклика на нее» [Kroeber 1992: 11].

В уже упоминавшемся эссе Анжелы Картер называет ту часть своего творчества, которая связана с реинтерпретацией сказок, «работой по демифологизации» [Carter 1983: 71]: она подвергает сомнению истории, которые являются неотъемлемой частью нашего коллективного культурного архива. Отсюда и писательскую деятельность она воспринимает как составляющую «медленного процесса деколонизации языка и основных стереотипов мышления (*basic habits of thought*)» [ibid.: 75].

В каждую новую историческую эпоху контекст неизбежно влияет на проблематизацию тех аспектов в исходном тексте, которые перечитывающему и переписывающему этот текст кажутся существенными для его времени. Стремясь «постичь суть неуважения к женщине, что во многом деформирует нашу культуру» [ibid.: 73], Картер в своих рассказах, представляющих собой проекцию определенных сказочных мотивов и образов, пересматривает традиционные сюжеты, которые внушают патриархальную мораль. Перевод автором неявного содержания в явное, его развертывание и метакомментарий заставляют читателя, погруженного в современный идеологический и экономический контекст, задуматься о культурных конструкторах, зафиксированных в сказке, и пересмотреть привычные взгляды на старые тексты.

Литература

- Атлас, А. З. Культурная память: сказка как механизм хранения и передачи информации / А. З. Атлас // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015а. – № 12–1 (54). – С. 24–26.
- Атлас, А. З. Вторичный текст: вариативность использования элементов повествования текста-источника / А. З. Атлас // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2015б. – № 175. – С. 6–15.
- Басни Эзопа / пер., ст. и коммент. М. Л. Гаспарова ; отв. ред. Ф. А. Петровский. – Москва : Наука, 1968. – 320 с.
- Вежбицка, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицка ; пер. с польск. А. В. Головачевой // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. VIII. – С. 402–421.
- Волкова, П. С. Реинтерпретация в свете философии искусства: к постановке проблемы / П. С. Волкова // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 2. – С. 170–182.
- Липовецкий, М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов) / М. Н. Липовецкий. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1992. – 183 с.
- Лушникова, Г. И. Трансформация прототекста в современном художественном дискурсе: методология и методы анализа / Г. И. Лушникова // Гуманитарные науки. – 2018. – № 3. – С. 130–136.

- Усманова, А. Политическая эстетика 'женского кино' в контексте феминистской кинотеории / А. Усманова // Гендерные исследования. – 1999. – № 3. – С. 225–235.
- Фукс, Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век : пер. с нем. / Э. Фукс. – М. : Республика, 1994. – 479 с.
- Bacchilega, C. *Postmodern Fairy Tales: Gender and Narrative Strategies* / C. Bacchilega. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1997. – 208 p.
- Bryant, S. Re-Constructing Oedipus through “Beauty and the Beast” / S. Bryant // *Criticism*. – 1989. – Vol. 31, № 4. – P. 439–453.
- Carter, A. Notes from the Front Line / A. Carter // *On Gender and Writing* / ed. M. Wandor. – London : Pandora Press, 1983. – P. 69–77.
- Carter, A. *The Bloody Chamber and Other Stories* / A. Carter. – London : Vintage, 1995. – 126 p.
- Katsavos, A. A Conversation with Angela Carter / A. Katsavos // *Review of Contemporary Fiction*. – 1994. – Vol. 14, № 3. – P. 11–17.
- Kroeber, K. *Retelling / Rereading: The Fate of Storytelling in Modern Times* / K. Kroeber. – New Brunswick ; New Jersey : Rutgers University Press, 1992. – 255 p.
- Lee, A. *Angela Carter* / A. Lee. – New York : Twaine Publishers, 1997. – 147 p.
- Oates, J. C. In Olden Times, When Wishing Was Having: Classic and Contemporary Fairy Tales / J. C. Oates // *Mirror, Mirror on the Wall: Women Writers Explore Their Favorite Fairy Tales* / ed. by K. Bernheimer. – New York ; London : Anchor Books ; Doubleday, 1998. – P. 247–272.
- Orenstein, K. *Little Red Riding Hood Uncloaced: Sex, Morality, and the Evolution of a Fairy Tale* / K. Orenstein. – New York : Basic Books, 2002. – 289 p.
- Rose, E. C. *Through the Looking Glass: When Women Tell Fairy Tales* / E. C. Rose // *The Voyage In: Fictions of Female Development* / ed. by E. Abel, M. Hirsch, E. Langland. – Hanover, NH : University Press of New England, 1983. – P. 209–227.
- Rushdie, S. Introduction / S. Rushdie // *Carter A. Burning Your Boats: The Collected Short Stories*. – New York : Henry Holt, 1995. – P. ix–xiv.
- Sage, L. *Angela Carter* / L. Sage. – London : Northcote House ; British Council, 1994. – 77 p.
- Walker, N. *The Disobedient Writer: Women and Narrative Tradition* / N. Walker. – Austin : University of Texas Press, 1995. – 205 p.

References

- Atlas, A. Z. (2015a). Kul'turnaya pamyat': skazka kak mekhanizm khraneniya i peredachi informatsii [Cultural Memory: Fairy Tale as a Mechanism to Store and Transfer Information]. In *Philologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12–1 (54), pp. 24–26.
- Atlas, A. Z. (2015b). Vtorichnyi tekst: variativnost' ispol'zovaniya elementov povestvovaniya teksta-istochnika [Re-writing Culturally Central Texts: Selection of Narrative Elements from Textual and Fine Arts Precedents]. In *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. I. Gertsena*. No. 175, pp. 6–15.
- Gasparov, M. L. (Ed.). (1968). *Basni Ezopa* [Aesop's Fables]. Moscow, Nauka. 320 p.
- Vezhbitska, A. (1978). Metatekst v tekste [Metatext in the Text]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, Progress. Issue VIII, pp. 402–421.
- Volkova, P. S. (2009). Reinterpretatsiya v svete filosofii iskusstva: k postanovke problemy [Reinterpretation in the Light of Art: Back to the Problem]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 2, pp. 170–182.
- Lipovetsky, M. N. (1992). *Poetika literaturnoi skazki (na materiale russkoi literatury 1920–1980-kh godov)* [Poetics of the Literary Wondertale: on the Material of Russian Literature, 1920s–1980s]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 183 p.
- Lushnikova, G. I. (2018). Transformatsiya prototeksta v sovremennom khudozhestvennom diskurse: metodologiya i metody analiza [Prototext Transformation in Modern Fiction Discourse: Methodology and Methods of Analysis]. In *Gumanitarnye nauki*. No. 3, pp. 130–136.
- Usmanova, A. (1999). Politicheskaya estetika 'zhenskogo kino' v kontekste feministskoi kinoteorii [The Political Aesthetics of 'Female Films' in the Context of the Feminist Film Theory]. In *Gendernye issledovaniya*. No. 3, pp. 225–235.
- Fuks, E. (1994). *Illustrirovannaya istoriya nravov: gалантный век* [Illustrated History of Mores: Fêtes Galantes]. Moscow, Respublika. 479 p.
- Bacchilega, C. (1997). *Postmodern Fairy Tales: Gender and Narrative Strategies*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. 208 p.
- Bryant, S. (1989). Re-Constructing Oedipus Through *Beauty and the Beast*. In *Criticism*. Vol. 31. No. 4, pp. 439–453.
- Carter, A. (1983). Notes from the Front Line. In Wandor, M. (Ed.). *On Gender and Writing*. London, Pandora Press, pp. 69–77.
- Carter, A. (1995). *The Bloody Chamber and Other Stories*. London, Vintage. 126 p.
- Katsavos, A. (1994). A Conversation with Angela Carter. In *Review of Contemporary Fiction*. Vol. 14. No. 3, pp. 11–17.
- Kroeber, K. (1992). *Retelling / Rereading: The Fate of Storytelling in Modern Times*. New Brunswick, New Jersey, Rutgers University Press. 255 p.
- Lee, A. (1997). *Angela Carter*. New York, Twaine Publishers. 147 p.

Атлас А. З. Демифологизация культурных конструктов волшебных сказок в рассказах Анжелы Картер

Oates, J. C. (1998). In Olden Times, When Wishing Was Having: Classic and Contemporary Fairy Tales. In Bernheimer, K. (Ed.). *Mirror, Mirror on the Wall: Women Writers Explore Their Favorite Fairy Tales*. New York, London, Anchor Books, Doubleday, pp. 247–272.

Orenstein, K. (2002). *Little Red Riding Hood Uncloaced: Sex, Morality, and the Evolution of a Fairy Tale*. New York, Basic Books. 289 p.

Rose, E. C. (1983). Through the Looking Glass: When Women Tell Fairy Tales. In Abel, E., Hirsch, M., Langland, E. (Eds.). *The Voyage In: Fictions of Female Development*. Hanover, NH, University Press of New England, pp. 209–227.

Rushdie, S. (1995). Introduction. In *Burning Your Boats: The Collected Short Stories by Angela Carter*. New York, Henry Holt, pp. ix–xiv.

Sage, L. (1994). *Angela Carter*. London, Northcote House, British Council, . 77 p.

Walker, N. (1995). *The Disobedient Writer: Women and Narrative Tradition*. Austin, University of Texas Press. 205 p.

Данные об авторе

Атлас Анна Залмановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, Институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48.

E-mail: anna_atlas@mail.ru.

Author's information

Atlas Anna Zalmanovna – Candidate of Philology, Associate Professor of English Language and Cultural Studies Department, Foreign Languages Institute, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia).